

© 2011 г. Ф.С. Ким

УДК 091

ГЕРОИЧЕСКИЙ ПЕССИМИЗМ ПРОСВЕЩЕННОГО КОНСЕРВАТОРА: ГЕРД-КЛАУС КАЛЬТЕНБРУННЕР

Герд-Клаус Кальтенбруннер – один из теоретиков «просвещенного консерватизма» («aufgeklärten Konservatismus»). Его имя всегда называется, когда речь идет о возможности «просвещенного консерватизма» и самой консервативной теории. Кальтенбруннер – редактор серии «Initiative» которая в 80-90-е гг. XX в. была важнейшим рупором «просвещенного» и просвещающего неоконсервативного мышления в немецкоязычном пространстве. Эту серию называли «островом рефлексии «среди океана угроз и взаимных обвинений, «ковчегом для размышлений, уникальным для Германии» [1, с. 192], «приватным университетом», где без всяких условностей встречаются авторы, с которыми можно соглашаться или спорить, но никто не сможет предъявить им обвинение в том, что они движимы приспособленчеством или корыстью или ждут одобрения толпы» [2, с. 38]. Составитель и редактор сознательно призывал к дискуссиям по важнейшим духовным вопросам современности. Во многом благодаря серии «Initiative», бывшее после Второй мировой войны, особенно в Германии, «неприличным» наименование «консервативный» приобрело «интеллектуальную респектабельность» [3, с. 93] и даже стало «светским». Он «стоял справа» и часто «думал лево», считал консерватизм «дисциплиной для нонконформистов» [4, с. 160], жизненно необходимой современному обществу. Его называли «абсолютной суперзвездой нового немецкого консерватизма»¹, давали такую характеристику: «Кальтенбруннер представляет редкий тип самостоятельного неутомимого интеллектуального борца, на вооружении которого импонирующее универсальное образо-

---

¹Выражение Claus Leggewie, публициста и консервативного мыслителя, см. подробнее: *Leggewie, Claus. Der Geist steht rechts. Berlin, 1987*

вание, блистательное отточенное перо, дифференцирующая рациональность, взнузданная этосом и совестью и персональное мужество» [5].

Кальтенбруннер считал, что современный консерватор нуждается в обоснованной теории, хотя многие заявляли обратное и даже считали, что это отличительный признак консерватизма. Началом консервативной теории он считал «реалистическую антропологию», которая отвечает на вопросы о сути, потребностях, возможностях и границах человека, его отношении к природе и другим людям. Консервативная теория, по его мнению, вносит свой вклад в искусство становиться и быть человеком [4, с. 95-98; 6, с. 42; 7]. Кальтенбруннер считал консерватизм «регулятивной идеей практического разума», «практической философией», целью которой является рациональное обоснование и легитимация элементарных норм человеческого действия [4, с. 94; 6, с. 44-60]. Он не только призывал быть, но и сам был «образованным, философствующим, не страшась теоретической работы консерватором» [4, с. 159], умеющим ярко, остро и доступно формулировать теоретические положения «сложного», «просвещенного» и «просвещающего» консерватизма. Г.К. Кальтенбруннер настаивал: «во всем что продумано, сказано и написано лежат истины, которые служат ... пониманию. Проблема только в том, чтобы быть в состоянии указать плоскость, в которой становится верным кажущееся на первый взгляд таким ложным, неверным высказывание» [8, с. 5]. Такой плоскостью для понимания идей Кальтенбруннера в нашей стране может быть, по нашему мнению, наступление и у нас очередной «постлиберальной эпохи». Одна из работ Кальтенбруннера называется «Консерватор в «постлиберальную эпоху», именно в ней обоснованы и сформулированы знаменитые шесть принципов немецкого неоконсерватизма 80-х гг. XX века: Обретение Наследия, Стабильность, Порядок, Государственный авторитет и лояльность, Свобода, Пессимизм [4, с. 111-129; 9, с. 66–81]. В этой связи хотелось бы продолжить уточнение и дополнение перевода этих принципов [10].

Пессимизм – это шестой принцип консерватизма по Кальтенбруннеру [4, с. 125-128]. Консерватор не всегда является сторонником пессимизма в философии, утверждает он, однако, солидарен со словами Шопенгауэра о «подлой жестокости оптимизма»². Консерватор, конечно, скептик в отношении про-

---

²В переводе Ю.И. Айхенвальда: «... оптимизм, если только он не бездумная болтовня тех, у кого за плоскими лбами нет ничего, кроме слов, представляется мне не просто абсурдным, но и поистине бессовестным

гресса, не доверяет тщеславным планам переустройства мира, обещающим устроить рай на Земле. Он думает, что в государстве и обществе нет совершенства, невозможны конечная гармония и абсолютная справедливость; он считает далее, что, как правило, нужно выбирать из двух зол. Пессимизм так же стар, как мысль человечества. Мы найдем его уже в Ветхом Завете (Книга Иова, Книга Экклезиаста), в посланиях Будды, и в античности – у Гесиода, Теогниса, Софокла и орфиков. Только жестокий, бесчувственный человек может досадовать на пессимизм, или, в лучшем случае, рассматривать его как странную психологическую особенность, настаивает Кальтенбруннер. По его мнению, наиболее полно и разнообразно трагическое мировосприятие, понимание прогресса как процесса уничтожения, возврата варварства, выражали поэты – мыслители мировой скорби, которые могли бы встретиться и провести в Италии в 20-х гг. XIX в. первый интернациональный симпозиум пессимистов – Шопенгауэр, Байрон, Шатобриан³ и особенно менее известный Джакомо Leopardi [8, с. 233]. Пессимизм Leopardi не обоснован в метафизических построениях, но проявляется как основное настроение, как ощущение бессмысленности жизни, как отчаянный плач о диссонансе, разрывающем наше бытие, как скепсис в отношении прогресса, как отвращение к человечеству, как стоическое спокойствие перед лицом неизбежности, как мужественный отказ от надежды и утешения религии. Leopardi, считает

воззрением, горькой насмешкой над невыразимыми страданиями человечества...». *А. Шопенгауэр*. Мир как воля и представление // *Шопенгауэр А.* Собрание сочинений в 5-ти т. М., 1992. Т. 1. с. 310, цит. по: Философия от античности до современности. [Электронный ресурс] / Direct Media, Publishing Ltd GmbH, Москва, 2004.

³Все они были зимой 1818-1819 г. в Италии, но не знали друг друга. Через 20 лет после смерти Leopardi и за два года перед своей собственной кончиной Шопенгауэр впервые познакомился с позабытой прозой несчастливой итальянца, который никогда не покидал свою страну, отрицал жизнь, представлял все религиозные обещания жалкой иллюзией, страстно жаждал смерти. В третьем издании своего главного труда «Мир как воля и представление» в конце третьей главы «О ничтожестве и о горестях жизни» немецкий философ, после того как привел для обоснования своего пессимистического действия «золотых свидетелей» – Гомера, Гераклита, Еврипида, Шекспира и Байрона, отметил: «Никто так основательно и творчески не представил в наше время эту позицию, как Leopardi. ...повсюду насмешка и несчастье этого существования – его тема, на каждой странице представляет он ее в таком разнообразии форм и поворотов, что никогда не вызывает скуку, более того всегда занимателен и воздействует на чувство» (в переводе Ю.А. Айхенвальда / / Сочинения Артура Шопенгауэра. Т. II. М., 1901) это 46 глава из второго дополнительного тома (1844г.); из примечаний к изданию *Артур Шопенгауэр* Избранные произведения. М., 1993.

Кальтенбруннер, пережил и продумал современный опыт космического одиночества человека во всей глубине. Он стоит в преддверии современного экзистенциализма [8, с. 236] Ни один другой поэт его столетия не сформулировал так многообразно чувство заброшенности, одиночества человека и его страха перед бытием как этот итальянец, в чьих произведениях в потрясающем синтезе пребывают классическое самоограничение и романтическое стремление к бесконечности. Леопарди поэт, пророк, «поэт предчувствования», кто читал диалог, который ведут кобальд и гном в день после предполагаемой гибели человечества [11, с. 41-44] и стихотворение «La Ginestra» [11, с. 402-404], не сочтет это мнение преувеличенным. Они символизируют невероятность и риск цветущей жизни в универсуме без смысла, который подчинен беспощадным законам. Жизнь, Красота и Грация – исчезающие островки во время опустошения оставленного на произвол судьбы мира. Прогресс как возврат варварства, как наступающее опустошение, как закат жизни: этот мотив, который появляется позднее у Ницше, Элиота и Клагеса, ввел в мировую литературу уже в первой половине XIX столетия итальянец Леопарди, напоминает Кальтенбруннер [8, с. 237].

Однако был этот певец универсальной скорби не посвященным страданию, но героическим пессимистом, доказывает Кальтенбруннер. Это самообладание героического пессимизма проявляется не в последнюю в многообразных «Trotzdem» лирики и прозы Леопарди, в неустанной дисциплине и мужественном отсутствии иллюзий его произведений, которое он отвоевывает у богатой на скорбь, разочарования и болезни жизни. Как пессимист воспринимает Леопарди жизнь как такую катастрофу, от которой освободить может только смерть, и все же – не совершает самоубийства. Как поэт сомневается он в смысле и необходимости поэзии и все же – не оставляет поэзию, противопоставляя лишенной смысла Вселенной творящую смысл активность человека – творца. Он апеллирует к героической воле, к выдержке до конца в безнадежном деле защиты безнадежных позиций в лишенном смысла и безжалостном универсуме. «Живи, будь велик и несчастлив!», – заставляет он сказать в диалоге жестокую природу человеческой душе, и произведения Леопарди есть особенное утверждение того, что он предвосхитил этот императив, который как «amor fati» позже обозначит Ницше. В основе отрицания Леопарди – утверждение человеческого превосходства именно в безнадеж-

ных ситуациях. Он ценит мужественный характер, который сильно проявляется в страдании. Но пессимизм – это не только печаль о земных бедствиях, которые не исчислимы при всех социально-политических переустройствах, а логическое следствие из вполне определенных онтологических оснований, настаивает он [4, с. 125]. Необходимо, считает Кальтенбруннер, отказаться от тенденции подозревать в любой пессимистической позиции склонность к фашизму, как это долгое время делалось, например, в отношении философии Освальда Шпенглера и Людвиг Клагеса ⁴. Более того, за пессимизм Клагеса неоднократно упрекали национал – социалисты, утверждает Кальтенбруннер [12, с. 315, 321] и настаивает, что всегда необходимо делать различие между проблематичными, быть может, истоками и мотивами тех или иных высказываний, их возможными практическими следствиями и истинным содержанием учения [4, с. 125; 8, с. 217, 313, 422; 12, с. 321].

Едва ли можно назвать другого мыслителя на рубеже 1900 г. и далее, который был бы так лишен иллюзий по отношению к действительности, как Клагес, отмечал Кальтенбруннер. В сравнении с ним даже «Закат Европы» Освальда Шпенглера – утешающая и отрадная утопия. Надежду считал Клагес «одной из основных человеческих бед», а будущее – неосуществимой мечтой, химерой. Клагес полагал невозможным надеяться на прогресс к лучшему и не был связан потому ни с одной партией или движением с их притязаниями полное общественное переустройство. Впереди он видел только прогресс уничтожения, ужасов и смертей. В 1913 г. Клагес поставил диагноз: «Оргия разорения, опустошения, не имеющая себе равных, захватит человечество, «цивилизация» несет черты, развязывающие страсть убийства, и изобилие земли истощается из-за ее ядовитого дыхания ... Налицо разрыв взаимной связи между человеческим творением и Землей, уничтожена на столетия, если не навсегда, древняя песня ландшафта...»; «Мы не заблуждаемся, когда находим «прогресс» пустой прихотью, и мы видим, что методы (*прогресса*) приводят к безумию разрушения. Под предлогом «пользы», «выгоды», «прибыли», «экономического развития», «культуры» преследует он на самом деле цель – уничтожение жизни. Как все пожирающий огонь пронесется он над землей и где однажды остановился – там выжег все дотла, и там

---

⁴Кальтенбруннер Г.-К. считал философию Л. Клагеса не менее значимой, чем философия О. Шпенглера и Ф. Ницше

не будет расти больше ничего, до тех пор, пока есть еще человек! В своих кровавых выходках против всего сотворенного он (*человек*) остановится только тогда, когда сам себя уничтожит» [12, с. 319; 13, с. 9-10].

«Большинство не живут, но существуют как рабы «профессии», которые используются подобно машинам на службе больших предприятий, или как рабы денег, бессмысленно отдающиеся счетной денежной горячке акций и грюндерства, или, наконец, как рабы засасывающих развлекательных шатаний больших городов. Многие, однако, смутно ощущают крушение, развал и растущее отсутствие радости. Еще ни в одно время безрадостность не была большей и отравляющей. Группы и группки объединяются вместе вокруг особых интересов, бесцеремонно, беспощадно, вязко, жестоко борются друг с другом. Ремесла, сословия, народы, расы, вероисповедания – и внутри каждого сообщества снова полные эгоизма, тщеславия и честолюбия отдельные люди. И вот этот-то человек объясняет мир по аналогии с картиной своего собственного положения, видит в природе ринг в борьбе за власть и существование, рисует себе мир по подобию большой машины, где без конца вращаются колеса, перемещается энергия, наполняются и опустошаются колбы и реторты... и готов биллионы... жизнью всех созвездий извратить и оценить высокомерно как голый цоколь человеческого «Я». Как некогда превозносили и восхваляли любовь или упоительную отрешенность от мира, погружение в свои мысли, так сегодня восходит вид религии успеха и сводит в могилу прежний мир любого «маленького человека» [12, с. 320].

Каждое пессимистическое мировоззрение включает в себя своеобразную антропологию, определенное учение о природе человека. Такой формой пессимистической антропологии является христианское учение о смертном грехе. Но сегодня оно мало применимо, считает Г.-К. Кальтенбруннер. Потому в пользу реабилитации пессимизма он выдвигает иные аргументы, которые должны убедить и верующего и атеиста и агностика: аргумент Опыта, аргумент Гуманности и аргумент Глубины. Чтобы понять аргумент Опыта, как думает Г.-К. Кальтенбруннер, достаточно вспомнить тот простой факт, что каждый из нас – как отдельный индивид, должен умереть и, что мы, как род, представляем интермедию в затерянном углу Универсума. Земные возможности счастья значительно ограничены уже нашей конституцией: чем дольше мы живем, тем легче подвергаемся испытанию болезнями и страданиями, несча-

стями. Говоря словами З. Фрейда, «Принцип удовольствия не может главенствовать везде, все устройство мироздания противоречит ему; ... представление, что «человек должен быть счастливым», не предусмотрено в плане творчества» [4, с. 125]. Аргумент Гуманности говорит о том, что некоторый масштаб пессимизма предохраняет нас от иллюзий о возможности счастья людей и результативности общественных реформ и напоминает, что «важно не быть здоровым, а жить со своей болезнью» [4, с. 126]. Несомненно, консервативный пессимист, не претендуя на святость, отрицает легче оптимизм потому, что считает неустранимым существующее бесправие. Однако пессимистическая позиция не обязательно означает пассивность и отрицание действия. Она исходит скорее из того, чтобы смягчать актуальные нужды и страдания, чем предоставлять «наиболее возможное счастье для наиболее возможного количества людей» или оптимум «качества жизни». И потому же он менее склонен приписывать беды этого мира определенным людям или определенным человеческим группам. Чужда консерватизму мысль, содержащаяся, по мнению Кальтенбруннера, в каждом воинствующем оптимистическом мировоззрении, о необходимости уничтожения каких-либо врагов или агентов, которые будто бы противостоят осуществлению счастья. Чужда ему и та бесплодная мечта об изменении мира, которая предъявляет к людям чрезмерные требования со второго столетия нашей эры. Консерватор выступает за истину, что человек только тогда человечен, есть «*homo humanus*», если он в состоянии довольствоваться предпоследним и относиться спокойно к неизбежному.

Консерватизм не дает патентованных рецептов и не есть спасительное учение. Но он должен дать современности категорический совет, больший, чем просто приспособление к данному. Он напоминает о том, что способность человека к приспособлению и изменению не безгранична. Он есть Критик, Корректор и Противник мир сбывающихся и забывающихся мир; помнит и чтит то, что не изменяется; заботится об условиях гуманного самосохранения и сохранения индивидуальности, органики и свободы в мире, движущемся к катастрофе. Аргумент Глубины означает, что консерватизм должен быть творческим, должен искать нового подтверждения и обоснования своих «вечных» принципов [4, с. 126-127]. Это означает, что надо снова определить, что такое «консервативное», делать ставку на будущее, иметь мужество быть современным, обосновывать теоретически свою позицию, уметь ее представ-

лять доступно, остро, изобретательно, находчиво и трезво [4, с. 158]. Творческий консерватор знает также, что в этом мире он должен жить вместе со своими противниками [4, с. 159; 14, с. 269]. Это знал, напоминает Кальтенбруннер, уже А. Токвиль, выдающийся либерал XIX столетия, – а в будущем, по его мнению, важнейший консерватор [4, с. 128, 223–228; 12, с. 210-213]. Как свидетельство тому он приводит строки из письма А. Токвиля, написанного в июле 1848 г. среди революций, охвативших всю Европу: «Мы не видели начало этой великой революции человеческого рода, мы не увидим ее конца. Если бы я имел детей, то повторял бы им постоянно, то повторял бы им во все дни, что мы живем в такое время и в таком обществе, в котором каждый должен быть готов ко всему, и в котором каждый должен себя готовить ко всему; что в этом обществе ничего нельзя решить из того, что должно решать; что все может быть отнято; но что возможно думать и приобретать единственно то, что мы можем потерять только если перестаем жить: Энергию, Мужество, Знание, Моральную позицию. Желай жить, дорогой друг» [4, с. 127]. Согласимся, что строки эти звучат и сегодня также свежо как в дни, когда они были написаны (1848 г.), и вновь процитированы (1975 г.). Но даже при самой сумрачной оценке настоящего и будущего пессимизм консерватора, его скепсис в отношении прогресса и мужественное отсутствие иллюзий должны, по мнению Г.-К. Кальтенбруннера, приводить не к отчаянию, но к формированию картины мира, которая, насколько это возможно, обозначает свои границы. Даже если идея, что мир, в котором мы живем, действуем и умираем, не должен быть весь плохим – утопия, она, тем не менее, может позволить нам оставаться консерваторами, более того, это идея, которой консерватор должен экзистенциально руководствоваться [4, с. 94; 14, с. 269]. В этом мире возможны и неожиданные изменения и счастье сбывшегося мгновения. Несмотря ни на что, мир «уже здесь и сейчас» может быть прекрасен» не устает повторять Г.-К. Кальтенбруннер. Потому назовем и его «героическим пессимистом», который противопоставляет сомнению и отчаянию творящую смысл активность» мыслителя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ich stelle mich aus: Die Zeitalter der Schamlosigkeit. (Hrsg. von Kaltenbrunner G.-K.) München, 1984.
2. Kapitalismus Nutzen und Moral (Hrsg. Von Kaltenbrunner G.-K.) Freiburg etc. Herder, 1982.
3. *Мельвиль А.Ю., Разлогов К.С.* Контркультура и «новый» консерватизм. М., 1981.
4. *Kaltenbrunner, Gerd-Klaus.* «Der Schwierige Konservatismus. Definitionen – Theorien – Porträts». Berlin, 1975.
5. *Gmehling, Magdalena.* Der Ideenhistoriker Gerd-Klaus Kaltenbrunner feierte seinen 65. Geburtstag // JUNGE FREIHEIT – Verlag GmbH & Co. URL: <http://www.jungefreiheit.de> 10/04 27. Februar 2004.
6. *Kaltenbrunner, Gerd-Klaus.* Konservativ – Chance und Zukunft – Neue Aspekte für Politik, Kultur und Weltanschauung – Innsbruck etc.: Turolia Verl., 1979.
7. *Ким Ф.С.* Г.-К. Кальтенбруннер о стыде и антропологических константах // Ломоносовские чтения 2010. Духовно-нравственная культура и патриотизм. Апрель 2010. М., 2011.
8. *Kaltenbrunner, Gerd-Klaus.* Europa. Seine geistigen Quellen in Porträts aus zwei Jahrtausenden (3 Bände) – Heroldsberg bei Nürnberg: Verlag Glock & Lutz, 1981–1984, b.1, 1981.
9. Неоконсерватизм в странах Запада. М., 1982. Ч.1.
10. *Ким Ф.С.* Г.-К. Кальтенбруннер о консерватизме в постлиберальную эпоху // Ломоносовские чтения 2009. Российская государственность в XXI веке и глобальные проблемы мирового развития. Апрель 2009. М., 2010.
11. *Леонарди, Джакомо.* Нравственные очерки. Дневник размышлений. Мысли. М., 2000.
12. *Kaltenbrunner, Gerd-Klaus.* Europa. Seine geistigen Quellen in Porträts aus zwei Jahrtausenden (3 Bände) – Heroldsberg bei Nürnberg: Verlag Glock & Lutz, 1981-1984, b. 2, 1983.

13. Überleben und Etik. Die Notwendichket , bescheiden zu werden. (Hrsg. von G.-K. Kaltenbrunner). München, 1976. (Herderbücherei Initiative:10 Bd. 9510).
14. Konservatismus International. Beitr. Von H. Bach, Y. Bacha, H. Dietz e.a. (Hrsg. von G.-K. Kaltenbrunner). Stuttgart, Seewald, 1973.

*Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова*

29 июля 2011 г.
